

Г.А. Алпыспаева*, Г. Жуман, Л.Т. Джумалиева, Ш.Н. Саяхимова

*Казахский агротехнический университет им. С. Сейфуллина, Нур-Султан, Казахстан
(E-mail: galpyspaeva@mail.ru; guliktim@mail.ru; lazzat-69@mail.ru; sh_sayahim@mail.ru)*

Указ от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» и христианский прозелитизм в Казахстане в начале XX века

Статья посвящена вопросу мало изученного аспекта государственно-конфессиональной политики Российской империи в отношении мусульманского населения Казахстана в начале XX века — христианскому прозелитизму. На основе архивных документальных источников и материалов периодических изданий обоснована точка зрения о том, что с изданием императором Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» политика христианизации казахов имела продолжение в условиях активизации мусульманского движения. Авторами охарактеризованы методы проведения христианизации, применяемые православными миссионерами, среди мусульман края. Организованный христианский прозелитизм вызывал ответную реакцию мусульман в виде активной пропаганды идей ислама среди русских крестьян-переселенцев, что обусловило переходы христиан в магометанство. В статье проанализирована и раскрыта совокупность причин и факторов перехода в иные вероисповедания как христианского, так и мусульманского населения края: тяжелое материальное положение крестьян-переселенцев, меркантильные интересы предприимчивых людей, семейно-бытовые обстоятельства, личные побуждения человека и пр. Участившиеся после выхода Указа случаи принятия ислама русским населением воспринимались миссионерами христианства как подрыв авторитета православной церкви и русской власти, в целом, способствовали усилению их активности.

Ключевые слова: религия, ислам, христианство, государственно-конфессиональная политика, мусульманское население, Российская империя.

Введение

Начало XX века в истории Российской империи характеризуется активизацией государственной политики в отношении религиозных конфессий, в том числе в отношении мусульман империи. Свидетельством актуальности проблемы и выражением озабоченности государства состоянием религиозного вопроса стало издание Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», в котором нашла отражение концептуальная модель государственно-конфессиональной политики российского самодержавия. Государственная политика в отношении мусульман в начале XX века включала всю совокупность мероприятий правительства, касающихся жизни религиозных общин: систему управления духовной жизнью верующих, политику в области исламского образования и в отношении духовенства и вакуфных наделов, регулирование паломничества мусульман, политику христианизации и др. Предметом данного исследования является мало изученное направление религиозной политики имперского государства в Казахстане в начале XX века, а именно политика организованного христианского прозелитизма, активизировавшаяся после выхода Указа от 17 апреля 1905 г. и вызывавшая ответную реакцию мусульман, выражавшуюся в усиленной пропаганде идей ислама и склонении русских к переходу в магометанство.

Научная проблема религиозной политики самодержавия в отношении мусульман империи интересна исследователям, а историография вопроса включает не только работы отечественных, но и зарубежных авторов. Общие проблемы взаимоотношений российской администрации и мусульман империи подробно освещаются в работах Д.Ю. Арапова, в которых он досконально изучил законодательную базу исламской политики самодержавия с XVIII в. до начала XX в. [1], охарактеризовал действия управленческих структур центра и на местах [2]. Заслуживает внимания работа исследовательской группы по изучению особенностей религиозной политики России в Центральной Азии, в том числе в регионах Казахстана [3]. Исследователь С.С. Бороздин анализирует результаты политики российских властей в отношении мусульманского населения Туркестана и Бухарского эмирата в период с 1867 по 1914 гг., особенности формирования политики «игнорирования ислама» К.П. Кауфма-

*Автор-корреспондент. Email: galpyspaeva@mail.ru

на, дальнейшее ее развитие при последующих генерал-губернаторах [4]. В работах А.А. Сафонова рассматриваются вопросы конфессиональной политики самодержавия после выхода Указа 1905 года [5].

В трудах казахстанских авторов получили разработку отдельные аспекты религиозной политики самодержавия. В работах З.Т. Садвокасовой анализируются вопросы религиозной политики самодержавия в сфере образования казахского населения, раскрывается сущность русификаторской политики царизма через образование [6]. Автор рассматривает вопросы участия мусульманских духовных служителей в национально-освободительном движении в начале XX столетия [7]. В работах А.С. Тасмагамбетова с исторических позиций изучается история паломничества мусульман Казахстана в Мекку в XIX – начале XX веков [8].

Анализ содержания и характера дискуссий о христианизации казахов, развернувшихся в русском обществе на страницах изданий и периодической печати во второй половине XIX – начале XX в., дается авторами Г. Алпыспаевой, Г. Жуман, С. Багдатовой, Ш. Саяхимовой [9]. Взгляды и деятельность ученых-ориенталистов и миссионеров на христианизацию нашли освещение в работах В.Г. Гималиева [10; 52–56], Н.М. Лукашовой [11; 36–57], С.Н. Абашина [12; 43–96], Л.М. Файзрахманова [13; 146–150]. Авторы сходятся во мнении, что в интерпретации ориенталистов христианизация подразумевала, прежде всего, проникновение идей православия и христианского мировоззрения в религиозное сознание казахов. Проблемы миссионерства православной церкви получили научную разработку в работах Ю.А. Лысенко [14; 195], И.В. Волкова [15; 146–154], А.С. Аманжулова [16; 60–63]. Проблемам перехода мусульман в православие, анализу мотивов и причин принятия инородцами христианства посвящены работы С.В. Горбуновой [17; 247], А.Ю. Конева и Р.О. Поплавского [18; 165–174].

Материалы и методы

Источниковая база статьи опирается на документальные материалы, хранящиеся в Центральном Государственном архиве (ЦГА) РК в г. Алматы и Государственном архиве Оренбургской области (ГАОО) РФ. Основные документы, характеризующие государственную политику царизма в отношении ислама и мусульманского населения, сосредоточены в фондах высших и центральных государственных учреждений ЦГА РК: Семиреченском областном правлении (Ф. 44), Семипалатинском областном правлении (Ф. 15), Тургайском областном правлении (Ф. 25), Туркестанском епархиальном комитете по устройству церковного быта переселенцев (Ф. 115), Заведующего розыскным пунктом Семиреченской области (Ф. 73), Аулие-Атинском уездном управлении Министерства внутренних дел г. Аулие-Ата Сыр-Дарьинской области (Ф. 146). Научную ценность представляют выявленные в названных фондах законодательные акты, распоряжения и постановления генерал-губернаторов, отчеты и официальные доклады в различные министерства и ведомства, переписка чиновников по вопросам религии, обращения и прошения обывателей по вопросам перехода в иные вероисповедания, а также фискальные документы по учету гербового сбора. В ГАОО использовались материалы Ф. 175 — Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества: отчеты комитета за разные годы, рапорты священников о поездках в казахские степи для ведения проповедей в казахских аулах, журналы комиссий по устройству быта новокрещенных казахов Тургайской области и прочие документы. Обозначенные источники в совокупности иллюстрируют политику имперского государства в отношении мусульманского духовенства и мусульман Казахстана.

Информативный источниковый материал содержат дореволюционные периодические издания, в частности, журнал «Туркестанские епархиальные ведомости», на страницах которого публиковались правительственные распоряжения по духовному ведомству, указы Святейшего Синода, резолюции Епархиального архиерея, постановления Туркестанской духовной консистории, отчеты Туркестанского епархиального комитета Православного миссионерского общества за разные годы (1909–1917 гг.), статьи священнослужителей и прочие материалы. Отдельные номера содержат статистические материалы учета населения по вероисповеданию, сведения о количестве храмов, мечетей, молитвенных домов в Туркестанском крае.

Таким образом, обозначенный круг источников позволяет изучить заявленную проблему христианизации мусульман Казахского края в начале XX века во всех ее проявлениях.

Результаты

К началу XX в. Российская империя была поликонфессиональным государством, в религиозной структуре которого, наряду с христианством, важное место занимал ислам. По данным Всероссийской переписи населения 1897 г., в стране насчитывалось 13,889 млн мусульман. В областях Степного и Туркестанского генерал-губернаторств мусульмане составили 90 % от общего количества мусульман империи. Ислам после христианства занимал вторую позицию в религиозной системе государства [19; 130]. Центральным правительственным органом, регулировавшим жизнь мусульман империи, был Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) в составе Министерства внутренних дел. В ведении Департамента находился весь круг вопросов религиозной жизни мусульман: органы управления духовными делами мусульман; образование мусульманских приходов; постройка и открытие мечетей и молитвенных домов мусульман; мусульманские учебные заведения и печать, фауфное имущество мусульманских духовных учреждений; метрикация мусульман; вопросы семейно-брачных отношений и др. [20; 74–75].

В рассматриваемый период в Российской империи сформировалась система управления мусульманами и духовными учреждениями ислама, не представлявшая собой единой унифицированной модели. Мусульмане Европейской России и Сибири управлялись Оренбургским и Таврическим муфтиятами, подчинявшимися Министерству внутренних дел. Духовенство этих регионов входило в структуру государственного управления, а в правовой жизни мусульман применялись нормы шариата. Мусульмане Кавказа состояли в ведении отдельных духовных управлений, подведомственных имперской администрации края. Управление мусульманами Степных областей и Туркестанского края отличалось. Во-первых, специального органа по управлению мусульманами не было, все вопросы духовной жизни мусульман решала местная колониальная администрация, состоявшая в ведомстве Военного министерства. Во-вторых, мусульманское духовенство имело статус слугителей веры и исключалось из системы государственного управления. В-третьих, в судебной практике предпочтение отдавалось адату — обычному праву казахов. Не учитывался тот факт, что в Туркестанском крае, по официальным данным, проживало свыше пяти миллионов мусульман [21; 3]. Законодательным документом, определившим политику государства в отношении мусульман Степного и Туркестанского генерал-губернаторств, было Положение 1891 г.

Эпоха буржуазно-демократических революций в России в начале XX в. привела к изменениям и в религиозной жизни общества. В целях сохранения в стране политической стабильности 17 апреля 1905 г. Николай II подписал Указ «Об укреплении начал веротерпимости», состоящий из 17 пунктов. Издание Указа имело целью преодолеть правовое неравенство религиозных конфессий в Российской империи, но он еще ярче обозначил актуальность «мусульманского вопроса». Указом вводилась ограниченная свобода вероисповеданий: свобода выбора религии и свобода отправления религиозных обрядов. Юридически закреплялось право личности на переход в рамках христианских исповеданий, допускался переход из православия в нехристианскую веру. Указ расширил права инославных конфессий, признавал важность улучшения правового положения мусульман. Таким образом, Указ определил отношение государства к инославным и иноверным исповеданиям. По мнению А.А. Сафонова «весомым результатом принятия Указа следует признать юридическое закрепление права личности на вероисповедные переходы в рамках христианских исповеданий, а также допущение отпадения от православия лиц, числящихся в нем формально, а на деле исповедовавших свою старую религию, в одну из нехристианских вер» [5; 342].

Политика христианизации мусульманского населения Казахстана, концептуально оформившаяся при участии ученых-ориенталистов (Н.И. Ильминский) и теоретиков миссионерства (В.П. Наливкин, Н.П. Остроумов, С.М. Граменицкий, М.А. Миропиев), активно реализовывалась христианскими миссионерами еще с XIX в. и получила свое продолжение в начале XX столетия. Огромная роль в приобщении мусульман к христианству принадлежала Русской православной церкви.

В Степных областях Казахстана христианизация проводилась миссионерами Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества, созданного в 1875 г. и работавшего до 1918 г. Собственно он создавался с целью насаждения православия среди нерусских народов Оренбургской губернии и Тургайской области, а также для борьбы со старообрядничеством и сектантством. Территория, на которой Комитет осуществлял свою деятельность, делилась на станы: Актюбинский, Александровский, Богодуховский и Макарьевский. При станах функционировали 4 миссионерские школы [22, л. 1].

Священники Православного миссионерского общества при Оренбургской епархиальной комиссии регулярно выезжали в казахские степи для проведения проповедей и бесед с кочевниками. В рапортах о поездках они не только сообщали о проделанной работе, но и делились наблюдениями за казахами-кочевниками, их взаимоотношениями с казаками и крестьянами-переселенцами. К примеру, известный священник Николай Сейфуллин, объехавший с проповедями регион от Оренбурга до Кустаная, охватив практически весь Кустанайский уезд, в начале XX в. писал о том, что дал совет русским семьям «быть с киргизами в миру и согласии, не отбивать их от себя, стараться часто по дружески беседовать с ними, читать им священную историю на киргизском языке» [23; 4]. Он отмечал, что казахи «любопытны, сами заводят речь. Повествование о воскресении Спасителя извращено татарами-муллами, поэтому в беседе я излагал священные истории о сотворении мира, грехопадении, жертвоприношении, искуплении рода человеческого» [23; 6].

В 1880 г. генерал-губернатор Степного края Г.А. Колпаковский, участник завоевания Туркестанского края, подготовил Всеподданнейший доклад на имя императора о необходимости открыть противомусульманскую миссию среди казахов Семипалатинской области. В начале XX в. деятельность этой миссии распространялась и на Акмолинскую область, в пределах которой было 8 станом с двумя монастырями: мужским и женским [24; 359]. Ходатайство Г.А. Колпаковского об открытии миссии подтолкнуло Туркестанское епархиальное начальство к тому, чтобы открыть в епархии миссию и миссионерские учреждения. По ходатайству Туркестанского епархиата на средства Православного миссионерского общества был открыт миссионерский Иссык-Кульский мужской монастырь. В организации монастыря принимал участие Г.А. Колпаковский; он распорядился выделить 500 десятин земли, лес и разный строительный материал. Монастырь был разрушен землетрясением, но вскоре восстановлен и вновь начал свою работу с 1894 г. При восстановлении участок монастыря был увеличен до 2300 десятин плодородной земли. Из Валаамского монастыря были выписаны монахи, но они миссионерской деятельностью среди казахов практически не занимались по причине отсутствия специальной подготовки.

Организации противомусульманской миссии в Туркестанском крае придавалось особое значение. В свое время, еще в конце XIX в., во Всеподданнейшем докладе первый Туркестанский генерал-губернатор К.П. Кауфман писал: «В Туркестанском крае, на окраине, где с православной верой соприкасается мусульманство, может быть самое фанатичное, нельзя без ущерба для государственной религии и ее значения забросить Туркестанскую паству. Кроме чисто религиозного значения, неустройство этой паствы влияет весьма вредно и на прочность нашего положения в мусульманском крае. Открытие архиерейской кафедры в пограничном крае, населенном мусульманами и язычниками, неоспоримо будет благотворно влиять не только на русское население, но и на туземцев» [24; 357].

Генерал-губернатор Туркестана С.М. Духовской во Всеподданнейшем отчете на имя императора в 1899 г. отмечал, что «Туркестанскую окраину с густым мусульманским населением еще нельзя считать краем, мирное спокойствие которого вполне обеспечено. Обстоятельство это должно проходить красною нитью во всех мероприятиях на месте, и во всех обсуждениях и разрешениях высших инстанций всех министерств и ведомств» [25; 3]. Туркестанский край общей площадью в 1479298 кв. км включал пять обширных областей, в которых проживало 6,5 млн мусульман и только 300 тысяч христианского населения. В регионе было огромное количество мектебов и медресе, в одном только Ташкенте насчитывалось 346 мечетей [24; 357]. Всего же в крае, по данным за 1917 г., насчитывалось 8350 мечетей, а церковей всего 243 [26; 204]. Подавляющее численное превосходство мусульманской конфессии в крае не могло не вызывать тревогу у православного духовенства.

Идея открытия миссии при Туркестанской епархии принадлежала Туркестанскому епископу Димитрию. По его ходатайству Св. Синод 12 апреля 1912 г. издал Указ об учреждении в Туркестанской епархии должности епархиального противомусульманского миссионера-проповедника. Под текстом Указа была поставлена резолюция Его Преосвященства от 25 апреля 1912 г. такого содержания: «В Консисторию. Слава Богу. Немедленно приступить к подысканию достойного кандидата. Епископ Димитрий» [24; 357]. Уже в июле епископ телеграфировал Тобольскому миссионеру подать прошение и предложил занять должность миссионера в Туркестане. По ходатайству перед Св. Синодом епископа первым Туркестанским противомусульманским миссионером-проповедником был назначен Тобольский миссионер-протоиерей Е. Елисеев. Назначение христианской миссии в лице одного миссионера не вполне удовлетворяло христианское духовенство, стремившегося создать миссию в несколько станом, но для этого требовались огромные средства, а их не было. Так состоялось офици-

альное учреждение миссии, хотя, по признанию духовенства, в Туркестанской епархии неофициально миссия существовала еще ранее, были проповедники и собеседники, как среди духовенства, так и мирных жителей. Благотворительные учреждения, Казанско-Богородичное Братство, а впоследствии Туркестанский епархиальный комитет Православного миссионерского общества оказывали материальные пособия новокрещенным.

После выхода Указа 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» в либеральной печати поднимался вопрос о правомерности существования института миссионеров и проведения христианских проповедей. В адрес православной церкви поступали критические высказывания касательно того, что миссионерская деятельность совершенно напрасна и даже незаконна. Однако такие взгляды церковь «считала ошибочными и открыто заявляла, что ни в коем случае не откажется от миссионерской деятельности среди иноверных и инославных» [27; 198]. По мнению церковных деятелей, «Указ от 17 апреля 1905 года и последующие законоположения несколько не поколебали установленного основными законами государства первенствующего в России положения православной церкви. Поэтому незабываемым остается и право православной церкви свободно проповедовать иномыслящим свое вероучение и привлекать их в свое лоно путем убеждений и мерами нравственного воздействия. Миссионерская проповедь среди иномыслящих, бесспорно, является вполне законной с точки зрения действующего светского законодательства» [27; 200].

Миссионеры продолжали посредством живой проповеди разъяснять превосходство христианства перед магометанством. Проповеди и поучения велись на русском, татарском, киргизском и сартовском языках. В приходах образовывали противомогометанские кружки, из центра выписывали брошюры антиисламского содержания. С выходом Указа критика ислама православными деятелями стала еще жестче. На страницах печати ислам характеризовался как «силастрашная, но пока спящая, и рану она может нанести России смертельную, непоправимую, когда проснется... Сила эта, так или иначе пробужденная и нафантазированная, не знает предела своей жестокости...» [21; 4].

Неоднократные попытки перехода в православие отмечены были на территории Семиреченской области. Миссионеры докладывали, что в числе крещенных были грамотные сарты и казахи, закончившие русско-туземную школу. Интересный случай произошел с крещеным казаком Стамбеком Тюрюкуловым, числившемся православным в течение двадцати лет. За все это время он ни разу не посетил христианский храм, молитв не изучал по причине незнания русского языка. История перехода его в христианскую веру такова. «Тюрюкулов женился на вдове своего умершего единоверца, пожелавшей выйти именно за него замуж, а не за ближайшего родственника своего умершего мужа. Обиженные родственники решили отнять ее силой, и тогда-то у Тюрюкулова созрела мысль освободиться от магометанских законов в брачном вопросе путем перехода в христианство, и он осуществил свое намерение, крестившись в тюремной церкви» [28; 18, 19].

Большая часть казахов, принявших христианство, делали это не в силу поменявшихся духовных воззрений, не по причине разочарования в религии Пророка; православием пользовались как временным средством для решения возникавших жизненных проблем, как это было с Тюрюкуловым. К принятию христианской веры зачастую подталкивали меркантильные интересы особо предприимчивых мусульман. Имели место случаи, когда в православие переходили «для заключения брачного союза и избегания уплаты калыма, установленного у магометан и нередко невыполнимого для брачующихся» [29; 95]. В текстах отчетов миссионеров православной миссии в крае отмечалось: «Причиной, побуждающей принять крещение, иной раз были такие заявления сартов: мои родители желают женить меня на сартянке. По религиозным и бытовым обычаям ислама она должна вечно ходить под чадрой (покрывало из конского хвоста), никому не показываться, она должна сидеть дома. Получается, что для мужа она становится обузой, так как не сможет оказать посильную помощь мужу в торговых делах на базаре, на улице среди людей» [26; 203]. Не случайно государственный деятель Российской империи П.А. Столыпин, ревностно отстаивавший доминирующие позиции Русской православной церкви, считал малорезультативным обращение иноверцев (в том числе мусульман) в христианство, так как на это тратились огромные денежные средства из казны [30; 51, 52].

О слабой эффективности противомусульманского миссионерства свидетельствует статистика. Например, на территории Туркестанского края с 1912 по 1916 гг. количество новокрещенных мусульман составило всего 226 человек. «Число совершенно ничтожное», — признавали миссионеры [26; 202].

Статистика новокрещенных мусульман в Туркестанском крае с 1912 по 1916 – гг.

Годы	Новокрещенных мусульман		Всего
	миссионерами	приходскими священниками	
1912	3	Неизвестно	3
1913	3	38	41
1914	9	39	48
1915	18	37	55
1916	12	67	79
Всего	45	181	226

Из данных таблицы 1 видно, что наибольшее число крещенных было в 1916 г. Увеличение количества крещенных в этом году связано с тем, что многие молодые мусульмане призывного возраста обращались с просьбой о крещении, чтобы избежать набора на тыловые работы по царскому Указу 1916 г. Как сообщали миссионеры, «число крещений было бы больше в этом году, но, ввиду набора туземцев на тыловые работы, многим молодым людям (сартам и киргизам) отказывали, в особенности во втором полугодии, чтобы не дать им возможности избавиться от воинской повинности» [26; 202].

Согласно данным ежегодных отчетов Туркестанской епархии, христианизация мусульманского населения не имела серьезного успеха, число новокрещенных было незначительным. Тем не менее политика христианизации продолжалась, священники-миссионеры предлагали усилить борьбу против ислама и осуществлять ее в нескольких направлениях [31; 590]. Наиболее эффективным направлением считалось открытие школ церковно-миссионерского характера с центральными главными училищами, использование в обучении родного языка детей и постепенный переход к изучению русского языка. В Туркестанском крае активно действовали Иссык-Кульская и Сарканская миссионерские школы. Последняя пользовалась поддержкой Миссионерского комитета и содержалась на средства комитета. Кроме того, комитет поддерживал учащихся из бедных семей калмыков и киргиз, обеспечивая их обувью и одеждой. В 1912 г. в школе обучалось 84 учащихся, из них 46 инородцев (40 мальчиков и 6 девочек): калмыков — 15 и казахов — 31 человек. С конца 1912 г. в эту школу, ввиду большого количества учащихся, назначен был второй учитель — калмык С. Багдин, жалование ему выплачивал Миссионерский комитет в сумме 240 рублей в год [32; 44].

Миссионеры считали эффективным методом христианизации открытие русских и русско-туземных школ и училищ с преподаванием религиозных предметов. В целях успешной христианизации они предлагали совершать богослужения и проповеди на родном языке инородцев, а потому миссионеры должны были овладевать языками местных. Еще один прием состоял в том, чтобы назначать к инородцам священников и учителей из среды инородцев, всецело преданных России, или русских, владеющих инородческими языками. В условиях активизации мусульманского движения предлагалось оградить влияние мусульманской литературы и культуры.

Указ 17 апреля 1905 г. был воспринят в обществе неоднозначно. Наибольшую озабоченность он вызывал у христианских миссионеров, проповедническая деятельность которых подвергалась критике даже со стороны единоверцев. В одном из либеральных журналов была помещена карикатура такого содержания: с караваем хлеба стоит миссионер перед язычницей, а внизу надпись: «Угощу тебя баранкой, будешь скорее христианкой!» [33; 392]. Карикатура высмеивала методы работы миссионеров с туземцами, получившие одобрение на миссионерских съездах. Суть их состояла в том, чтобы в работе с мусульманами учитывать обычаи и традиции инородцев. К примеру, инструкция миссионерам для привлечения в христианство мусульман «Как нужно принимать и обходиться с туземцами?» гласила: «У любого народа есть свои обычаи, церемонии и этикет, к которым нужно приспособляться, чтобы сблизить его с собой, войти в доверие, а самое важное — не оскорбить его. У туземцев, киргиз до сих пор сохранился обычай хлебо-соли, который они должны оказывать всякому проезжающему и проходящему, давая приют и пищу, как гостю, его слуге и лошади.... Любая еда делится между всеми присутствующими. Это же желают они видеть и у русских. Киргиз, долго сидевший у русского и не крошки не отведавший, отправляясь домой, обязательно скажет: «Жаман, бай Ибанныной ундя канча отырдым, ток саркытын бермяде» (Худой богач Иван, сколько времени сидел у этого бая, но и крошки не видал). Тогда он приходит к такому заключению, что мусульманин, его вера и

обычай лучше, чем русский и русская вера» [33; 391]. Инструкция рекомендовала миссионерам проявлять уважение к обычаям инородцев в целях успешной христианизации. Следуя ей, миссионеры угощали заезжающих мусульман чаем, на Рождество, Пасху и в престольный праздник устраивали общественные обеды, предваряемые молитвой и благословением. Во время обеда пели перемененно молитвы и псалмы. Летом обеды устраивались на площади, а зимою в помещении школы.

Примечательно, что эти опасения были не напрасными. После издания Указа участились случаи перехода в ислам русского населения, число православных, принявших ислам, стало увеличиваться. Так, в 1908 г. «Туркестанские епархиальные ведомости» писали, что «переходы из православия в мусульманство... настолько стали делом заурядным, что уже никого не удивляют» [34; 124]. Протоиерей Туркестанской епархии Е. Елистоев в отчете за 1913 г. приводил такие данные: до 500 русских девушек после объявления Манифеста перешли в ислам [35; 334]. В своих наблюдениях миссионеры отмечали, что «мусульмане Туркестанского края — сарты, бухарцы, узбеки, киргизы, таджики и татары — в последние годы активно склоняют русских женщин, в особенности несовершеннолетних, к незаконному сожителству, агитируют их отказаться от православия, ходатайствуют перед гражданским и духовным начальством официально перейти в ислам и вступить с мусульманином в «законный» брак по мусульманскому обряду» [35; 323].

Разумеется, вряд ли можно утверждать, что мусульманское духовенство занималось организованным прозелитизмом. Вместе с тем, нельзя отрицать усиливавшуюся пропаганду идей ислама среди христиан. «Антихристианские понятия проповедываются теперь и среди интеллигенции. Теперь ставят Коран наравне с Евангелием, утверждая, что Кораном и Евангелием одинаково проповедуются мир и нравственность», — писал в отчетах епархиальный миссионер-проповедник Е. Елистоев, доказывая необходимость христианской проповеди в эпоху общегосударственных реформ [27; 201]. Об участвовавших случаях перехода в ислам русских женщин и девушек свидетельствуют архивные документы в виде обращений и ходатайств в местную администрацию с просьбой разрешить принять ислам. С прошением на имя Военного губернатора Семиреченской области обратилась дочь мещанина из Копала И.А. Климова, заявив о своем желании принять магометанскую веру. Решение свое она обосновала так: «Мать моя по происхождению киргизка по имени Калджан, но с принятием православной веры вышла замуж за мещанина Александра Климова, ныне умершего, но, несмотря на его принятие православной веры, таковою она в точности не выполняла, т.е. не ходила в церковь, не принимала святых заветов, а придерживалась исключительно киргизских обычаев и меня к этому обучила. Я решила перейти в мусульманскую веру, к которой мать приучила, это могут подтвердить жители г. Копал» [36; л. 5 и об.]. Продолжение эта история получила на страницах «Туркестанских епархиальных ведомостей», где выяснился истинный мотив, побудивший И. Климову принять мусульманство. Как оказалось, после прибытия в г. Верный в 1910 г. она полюбила мусульманина, который обещал взять ее в жены, но только при условии ее перехода в ислам [28; 19, 20].

Аналогичная история произошла с молодой девицей А.А. Зоной, которая свое решение принять ислам объясняла семейно-личностными обстоятельствами: «По материнской линии я происхожу из киргиз Баскудукской волости Павлодарского уезда, кочующих в районе близ пос. Ямышевского. В настоящее время я сожительствую с татаринном Сабыржаном Мухамеджановым и исповедую магометанство. Согласно Высочайшего Указа от 17 апреля 1905 года прошу сделать распоряжение о моем переводе в магометанскую религию. Прилагаю метрическую выписку и гербовый сбор в сумме двух рублей» [37; л. 202].

Каждый случай перехода в ислам рассматривался как удар по престижу православия и не оставался без внимания епархиального начальства. Это хорошо демонстрирует документ следующего содержания: «Указ Туркестанской духовной консистории об увещании остаться в лоне православия и оставить намерение о переходе в ислам посада Дубовки, Саратовской губернии, мещанки Аполинарии Лукьяновой Смокутаевой, 33 лет, коренной русской, обольщенной сартом, что он на ней женится, и она по обычаю сартов, как жена мусульманина, будет сидеть дома, ничего не делать, а муж ей обязан доставлять все. Мотивируя этим, она подала прошение епархиальному начальству, а два прошения подавала Туркестанскому генерал-губернатору, чтобы разрешили ей перейти в ислам и выйти замуж за ташкентского сарта. Пришлось вызвать сарта и обличить его в противозаконном поступке даже с мусульманской точки зрения, сарты в этом отношении просто хотели на поступке легкомысленной русской женщины создать позор и насмешку над христианством. Больших трудов стоило убедить ее остаться в лоне православия, но, наконец, при Божьей помощи она пришла к слезному и

искреннему раскаянию. В этом случае помогли беседы и брошюры противомусульманского содержания» [27; 203].

В ислам переходили не только рядовые христиане. На страницах региональной печати обсуждался резонансный случай перехода в ислам священника Л. Громова. Об этом факте писали все мусульманские газеты, разместив на своих страницах его портрет [35; 334]. Случай был исключительным, поэтому под давлением христианского духовенства священник Громов принес полное покаяние, вернулся в православие и проживал в Уфимском Вознесенском монастыре послушником. Этот нередкой случай не мог не волновать христианских вероисповедателей.

В начале XX века случаи перехода из православия в ислам приобретали все более регулярный характер, что беспокоило миссионеров и христианскую миссию в крае. В своих донесениях и отчетах они пытались понять и устранить причины, побуждавшие православное население менять свои религиозные убеждения. Наиболее распространенной объективной причиной признавалось бедственное материальное положение крестьян-переселенцев. Довольно часто, приезжая из внутренних губерний России, русские крестьяне по несколько лет вынуждены были хлопотать перед местным начальством об отводе им земельного надела. Оказавшись в чужом краю, они нуждались в материальной помощи. Такое положение дел утомляло их морально и физически. Воспользовавшись сложной ситуацией, мусульмане путем пропаганды и агитации призывали нуждающихся переселенцев перейти в ислам, обещая в скором времени решить вопрос «о месте оседлости и нарезке земли» [35; 326].

Бедность и земельная неустроенность вынуждали переселенцев-новоселов идти в наемные работники к казахам. «Имеют место быть такие случаи, когда русская несовершеннолетняя молодежь, в основном дети, нанимаются в услужение к киргизам. После одного-двух лет пребывания у киргиз русские батраки переходят в ислам» [35; 327]. Нередкими были случаи, когда родители, дойдя до полного отчаяния, вследствие материальной нужды, сознательно продавали богатым казахам своих, часто несовершеннолетних дочерей. Зачастую сиротство и воспитание с детства в среде мусульман имело своим следствием принятие ислама [38; 27, 28]. Миссионеры-проповедники Туркестанской епархии настаивали на принятии решительных мер против обращения в мусульманство несовершеннолетних, ибо Закон о свободе вероисповеданий категорически запрещал переход из православия до определенного возраста. Они предлагали немедленно отбирать детей, находившихся в рабстве, помещать их в приюты. Девушек и девочек, проданных мусульманам, помещали в женские монастыри, где бы они получали христианское воспитание в духе Православной веры и со временем могли устроить свою жизнь среди православных христиан [35; 328].

Осознанное сожительство с мусульманами молодых женщин никого не удивляло. «В каждом дворе городов Туркестанского края по 1–2 пары сожительствуют с сартами», — писал протоиерей Е. Елисто в отчете за 1913 год [35; 334]. Это явление получило столь широкое распространение, что миссионеры считали своим долгом оградить женщин от исламского влияния. По просьбе Епархиального начальства в крае действовало распоряжение Туркестанского генерал-губернатора «о препровождении для увещания таких женщин и девиц в ближайшие женские монастыри», где они должны были «встать на путь истинный» [39; 204].

По убеждению миссионеров, причиной перехода в мусульманство во многих случаях выступала «не сознательная склонность отступников к исламу, а несчастное стечение обстоятельств» [35; 326]. Случаи, когда отступники от православия объясняли свой поступок расположением к исламу, были единичными. Православных привлекало не догматическое учение ислама, а внешний уклад жизни мусульманских обществ, в особенности широко организованная материальная помощь нуждающимся членам сообщества. Местные жители никогда не отказывали в материальной поддержке бездомным и обедневшим христианам, снабжали их едой, вызывая доверие и расположенность. По этой причине новоселы-переселенцы переходили в ислам.

По мнению христианских миссионеров, переходу русских в магометанство способствовала усиленная пропаганда учения ислама среди переселенческого населения, активные действия местных мусульман по обращению в свою веру различными способами [38; 27, 28]. Миссионеры отмечали, что киргизы прилагают все усилия, чтобы удержать у себя колеблющихся и не останавливаются в таких случаях даже перед значительными материальными жертвами. «У киргизов существует религиозная солидарность, поддерживаемая их руководителями-татарами и вызывающая волнение целой округи при известии о чьем-либо намерении креститься», — писали они в отчетах [28; 19].

Типичный случай перехода в магометанство имел место в 1906 г. Отступником явился сибирский казак Пахондрин. Свое решение о переходе в мусульманство Пахондрин связывал со своим пе-

чальным прошлым. Прибыв из Сибири в Семиречье, он в течение пятнадцати лет ежегодно просил о зачислении его в Семиреченское войско, и каждый раз получал отказ. Между тем, материально он настолько разорился, что не раз перед ним вставал вопрос о неизбежной голодной смерти. И в это время «я встретил такую холодность со стороны своих единоверцев казаков, а киргизы, на земле которых я жил, выражали мне теплое сочувствие в моем тяжелом положении материальной помощью» [28; 18, 19]. Более того, на первое время они наделили его скотом, он стал хозяином.

Священник Антонов устроил ему допрос, предлагал земельный казачий надел при условии перехода в христианство, но Пахондрин ответил отказом. «В его разговоре все время заметно звучала нотка озлобления против христиан, так жестоко отвернувшихся от него в его бедствии. Пахондрин отрицал всякое стороннее на него влияние в вопросе его отступничества; как в христианском, так и в магометанском вероучении он оказался полным невеждой. Единственное, что приводил он в оправдание отступничества — это нарушение, по его словам, благоговения в христианских храмах посетителями последних и образцовый будто бы порядок в мечетях. Говорил он об омовениях, как средствах поддержания чистоты и опрятности, чего не требуется, будто бы, в христианстве. При допросе Пахондрин его сопровождала целая толпа киргиз, терпеливо ожидавшая конца беседы и доставившая его обратно домой» [28; 19]. По донесениям священника О. Рождественского, в селе Токмак существовал центр, куда мусульмане переправляли православных отступников, «дабы укрыть их на первое время» [35; 327]. Здесь же были случаи продажи несовершеннолетних девушек богатым киргизам.

В декабре 1908 г. под председательством Преосвященнейшего Димитрия проходило миссионерское совещание членов Верненского комитета Православного миссионерского общества, на котором речь шла о подготовке к противомогометанскому миссионерскому съезду в г. Казани в мае 1909 г. На совещании с докладом выступил законоучитель Верненской мужской гимназии священник М. Колобов, содержание его доклада вызвало оживленную дискуссию присутствовавших. Автор уделял особое внимание противомогометанскому вопросу в России, в том числе и в Туркестане, отмечая при этом, что данный вопрос может быть успешно решен лишь при условии повышения нравственного и культурного уровня местного христианского населения, отличавшегося низким уровнем грамотности и погрязшего в разгуле, пьянстве. М. Колобов отмечал: «...у магометан почти все грамотны и все знакомы с главнейшими обрядами и истинами своей религии, объединяющей их в одну семью, выгодно отличающейся своею сплоченностью пред всеобщей и постоянной русской рознью, имеющей в основе все тоже русское поголовное невежество как в области религии, так равно и в области различных человеческих знаний» [40; 38]. По признанию священников и миссионеров, среди переселенческого населения «религиозный индифферентизм развивался с невероятной быстротой» [28; 20].

На фоне усиливавшейся исламской пропаганды православную церковь и миссионеров беспокоило все возрастающее количество мечетей в Туркестанском крае. В отчете Туркестанского Епархиального комитета за 1916 г. приводятся сравнительные данные по численности мусульманского населения и русских, по количеству мечетей и церквей [26; 204].

Т а б л и ц а 2

Ведомость о количестве мечетей и церквей по областям Туркестанского края за 1916 год

№ п/п	Название областей	Количество населения, чел.		Мечетей	Церквей
		мусульман	русских		
1	Семиреченская обл.	2 179 000	200 240	3 008	62
2	Сырдарьинская обл.	2 145 086	198 910	4 021	57
	Итого	4 324 086	399 150	7 029	119

Согласно представленных в таблице 2 данных, количество мечетей значительно превышало количество церквей. О недостаточности церквей в крае и их ничтожном количестве постоянно говорило православное духовенство. В этом оно видело одну из причин снижения православной религиозности. Духовенство считало, что отношение государства к строительству и содержанию церквей в крае, населенном сплошь мусульманами, мало соответствовало статусу православия как государственной религии империи. Ведя борьбу с растущей мусульманской пропагандой, православная церковь предлагала убрать из Указа статью, гласящую: «Религию туземцев оставить неприкосновенной». По мне-

нию церковных деятелей, «это расходуется с учением Евангелия и законами господствующей церкви в Российской империи» [26; 206].

С выходом Указа участились случаи возвращения в ислам так называемых новокрещенных, т.е. мусульман, перешедших некогда в христианство. В архивных фондах сохранились прошения новокрещенных лиц о переводе их обратно в магометанское вероисповедование. Приведем несколько примеров. С прошением в Консисторию 31 декабря 1910 г. обратился киргиз села Преображенское Усть-Каменогорского уезда Петр Михайлов в магометанстве известный как Бекмолды Тогызаков, заявив о желании перейти обратно в магометанство. В Консистории отмечали, что «увещания, преподанные Петру Михайлову с семейством о пребывании в лоне церкви, успеха не имели. Переходят в магометанство по личному убеждению» [37; л.186, 188]. Приведем другой пример. С прошением к Семипалатинскому губернатору обратилась «выкрещенная в православие» казашка Баскудукской волости Павлодарского уезда Суюменлы Алпысова, в православии П. Петрова, живущая в поселке Чернавском Семиарской станицы. История ее такова. Много лет назад, ее, тогда еще несовершеннолетнюю, отец Алпыс Батырбаев насильно выдал замуж за старика и, не желая жить с ним, она бежала с киргизом Ельпой Косукбековым. Чтобы избавиться от преследований, они в пос. Ямышевское приняли крещение и повенчались. Спустя полтора года муж умер. Оставшись не приписанной ни к какому сословию, замуж она не выходила, родственники по отцу отказались принять ее. Уже в зрелом возрасте она пожелала перейти из православия обратно в магометанство [37; л. 80, 82]. В архивных фондах сохранились свидетельства, выданные «на основании Именного Высочайшего указа Правительствующему Сенату, последованного от 17 апреля 1905 г., выкрещенным киргизам Урькорвекской волости Усть-Каменогорского уезда», пожелавшим вернуться в мусульманскую веру. В них конкретно указывалось, что при переходе обратно в магометанство их выписывали из православных метрических списков [37; л. 174].

Процесс перехода обратно в ислам занимал определенное время и регламентировался действиями уездных властей по сбору полной информации о просителе, а также уплатой гербового сбора. Чтобы переход просителя обратно в ислам состоялся, уездный начальник должен был собрать и представить сведения следующего характера: «действительно ли проситель с женой до перехода в православие принадлежал к магометанской религии? уклонялись ли они от исполнения обрядов православной церкви? в какой церкви и в каком году венчаны? имеются ли какие-либо препятствия со стороны магометанского духовенства к переходу просителя с его семейством из православия обратно в магометанство?» [37; л. 186, 188]. Лица, переходившие обратно в ислам, обязаны были вносить гербовый сбор в размере 1 рубль 50 копеек — 2 рублей [37; л. 185]. Безусловно, что переходы обратно в ислам стали возможны лишь после выхода Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», положившего начало либерализации государственной политики в отношении неправославных конфессий и расширению свободы вероисповедания. Кроме того, 14 декабря 1906 года была отменена статья Уголовного кодекса, предусматривавшая наказание за отпадение от христианства.

Выводы

В начале XX века политика организованного христианского прозелитизма среди казахов Степных областей и Туркестанского края не претерпела существенных изменений и исходила, главным образом, от православного духовенства в крае, ревностно относившегося к положениям Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости». При поддержке местной администрации миссионеры Оренбургской и Туркестанской епархий вели проповеди идей христианства, применяя более гибкие и осторожные методы работы с мусульманами. С выходом Указа, объявившем равные права религиозным конфессиям, миссионеры столкнулись с активизировавшейся пропагандой идеи ислама среди русского населения, многочисленными фактами перехода последних в религию Пророка. Переходы православных русских крестьян в ислам не сопровождались проникновением идей ислама и мусульманского мировоззрения в их религиозное сознание, равно как и переходы мусульман в христианство. Принятие той или иной веры, как правило, не было обусловлено внутренними побуждениями человека или желанием принять саму веру и догматическое вероучение как со стороны мусульман, так и православных. Факты, когда переход христиан в ислам был следствием разочарования в религии Христа и убежденностью в большей духовности и возвышенности религии Пророка, были единичными. Причины перехода как мусульман, так и христиан в иную веру обусловлены были скорее внешними обстоятельствами, семейно-бытовыми причинами и нередко материальными выгодами. Тем не менее участвовавшие после выхода Указа случаи принятия ислама христианами восприни-

мались миссионерами христианства как подрыв авторитета православной церкви и русской власти, в целом. Отсюда и ревностное служение вере, и приверженность политике организованного христианского прозелитизма.

Исследование выполнено в рамках проекта грантового финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (ИРН проекта: AP08855487).

Список литературы

- 1 Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / Д.Ю. Арапов / сост., авт. вступ. ст. и коммент. Д.Ю. Арапов. — М.: Академкнига, 2001. — 261 с.
- 2 Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX вв.) / Д.Ю. Арапов. — М.: Изд-во МГЛУ, 2004. — 288 с.
- 3 Абашин С.Н. Центральная Азия в составе Российской империи / С.Н. Абашин, Д.Ю. Арапов, Н.Е. Бекмаханова. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 464 с.
- 4 Бороздин С.С. Политика российских властей в отношении мусульманского населения Туркестана и Бухары (1867-1914): автореф. дис... канд. ист. наук. / С.С. Бороздин. — Екатеринбург: Изд.-полиграф. центр УрФУ, 2012. — 25 с.
- 5 Сафонов А.А. Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» в контексте формирования института свободы совести в законодательстве Российской империи / А.А. Сафонов // Актуальные проблемы юрид. науки и практик: сб. науч. ст. — Тамбов: Изд-во «Интеграция», 2006. — С. 337-344.
- 6 Садвокасова З.Т. Русификаторская политика царизма в области образования нерусских народов / З.Т. Садвокасова // Отечественная история (Отан тарихы). — 2008. — № 1. — С. 90–99.
- 7 Садвокасова З. Участие мусульманских духовных служителей в национально-освободительном движении / З.Т. Садвокасова // Мир Большого Алтая. — 2019. — 5 (4). — С. 526–541.
- 8 Тасмагамбетов А.С. История конфессии Казахстана в конце XVIII — начале XX вв. (по материалам ислама и православия) / А.С. Тасмагамбетов. — Уральск: Ред.-изд. центр ЗКГУ им. М.Утемисова, 2012. — 368 с.
- 9 Alpyspaeva, G., Zhuman G., Bagdatova S., Sayahimova Sh. Discussions on the Christianization of the Kazakhs of Turkestan Region (the second half of the XIXth — early XXth centuries) // Bylye Gody. — 2019. — Vol. 52. — Is. 2: — С. 655–667.
- 10 Гималиев В.Г. Н.И. Ильминский о роли родного языка в христианском просвещении нерусских народов Поволжья и Востока России / В.Г. Гималиев // Вестн. ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. — 2011. — № 3 (71). — Ч. 2. — С. 52–56.
- 11 Лукашова Н.М. В.П. Наливкин: еще одна замечательная жизнь / Н.М. Лукашова // Вестн. Евразии. — 1999. — № 1/2. — С. 36–57.
- 12 Абашин С.Н. В.П. Наливкин: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...»: Кризис ориентализма в Российской империи / С.Н. Абашин // Азиатская Россия: люди и структуры империи. — Омск, 2005. — С. 43–96.
- 13 Файзрахманов Л.М. Н.П. Остроумов — миссионер и исламовед / Л.М. Файзрахманов // Изв. Алтай. гос. ун-та. — № 4–1 (60). — 2008. — С. 146–150.
- 14 Лысенко Ю.А. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX в.): моногр. / Ю.А. Лысенко; АлтГУ, каф. востоковедения, Алтай центр востоковед. исслед. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. — 195 с.
- 15 Волков И.В. Миссионерская деятельность Православной церкви на национальных окраинах Российской империи (на примере Туркестана второй половины XIX – начала XX в.) / И.В. Волков // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер: История России. — 2010. — № 1. — С. 146–154.
- 16 Аманжулов А.С. Политика аккультурации и христианизации в Южном Казахстане в колониальный период / А.С. Аманжулов // Вестн. Казах. нац. ун-та. Сер. ист. — 2011. — № 1(60). — С. 60–63.
- 17 Горбунова С.В. Крещенные казахи Российской империи / С.В. Горбунова // Центральная Азия и Сибирь. — Барнаул: Азбука, 2003. — С. 247–252.
- 18 Конев Ю.А. Дар в политике и практике христианизации сибирских «иноверцев» (по материалам Западной Сибири конца XVI – XVIII вв.) / Ю.А. Конев, Р.О. Поплавский // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — 2018. — № 4 (43). — С. 165–174.
- 19 Лысенко Ю.А. Позиция чиновников Оренбургского ведомства по вопросу правового регулирования духовной жизни казахов Уральской и Тургайской областей (40–80-е гг. XIX в.) / Ю.А. Лысенко // Народы и религии Евразии. — 2019. — № 3(20). — С. 128–138.
- 20 Арапов Д.Ю. Государственное регулирование ислама / Д.Ю. Арапов // PaxIslamica. Мир ислама. — 2011. — № 2(7). — С. 68–86.
- 21 Туркестанские епархиальные ведомости. — 1909. — № 1. — 1 янв.
- 22 Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). — Ф.175. — Оп.1. — Д.3.
- 23 ГАОО. — Ф. 175. — Оп. — Д.13.

- 24 Туркестанские епархиальные ведомости. — 1913. — № 16. — 15 авг.
- 25 Духовской С.М. Ислам в Туркестане. Всеподданнейший доклад Туркестанского генерал-губернатора генерала от Инфантерии Духовского. / С.М. Духовской. — Ташкент, 1899. — 20 с.
- 26 Туркестанские епархиальные ведомости. — 1917. — № 13. — 1 июля.
- 27 Туркестанские епархиальные ведомости. — 1913. — № 10. — 15 мая.
- 28 Туркестанские епархиальные ведомости. — 1910. — № 2. — 15 янв.
- 29 Туркестанские епархиальные ведомости. — 1907. — № 19. — 1 окт.
- 30 Курныкин О.Ю. П.А. Столыпин и «мусульманский вопрос» в Российской империи / О.Ю. Курныкин // Изв. АлтГУ. Исторические науки и археология. — 2018. — № 5 (103). — С. 50–54.
- 31 Туркестанские епархиальные ведомости. — 1909. — № 24. — 15 дек.
- 32 Туркестанские епархиальные ведомости. — 1913. — № 6. — 15 марта.
- 33 Туркестанские епархиальные ведомости. — 1913. — № 17. — 1 сент.
- 34 Туркестанские епархиальные ведомости. — 1908. — № 7. — 1 апр.
- 35 Туркестанские епархиальные ведомости. — 1913. — № 15. — 1 авг.
- 36 Центральный Государственный архив РК (ЦГА РК). — Ф.44. — Оп.1. — Д. 3146.
- 37 ЦГА РК. — Ф. 15. — Оп.1. — Д. 403.
- 38 Туркестанские епархиальные ведомости. — 1909. — № 6. — 15 марта.
- 39 Туркестанские епархиальные ведомости. — 1915. — № 7. — 1 апр.
- 40 Туркестанские епархиальные ведомости. — 1909. — № 2. — 15 янв.

Г.А. Алпыспаева, Г. Жуман, Л.Т. Джумалиева, Ш.Н. Саяхимова

«Бастапқы діни сенімді күшейту туралы» 1905 жылғы 17 сәуірдегі Жарлық және XX ғасырдың басындағы Қазақстандағы христиандық прозелитизм

Мақала зерттеулерден қалыс қалып келе жатқан XX ғ. басындағы Қазақстанның мұсылман халықтарына қатысты Ресей империясының мемлекеттік-конфессиялық саясаты — христиандық прозелитизм мәселесіне арналған. Архив деректері мен мерзімді басылымдардың материалдарын негізге ала отырып, «Бастапқы діни сенімді күшейту туралы» 1905 жылғы 17 сәуірдегі империялық Жарлықтың шығуы қазақтарды христиан дініне енгізу саясаты мұсылмандық қозғалыстардың белсенділік танығуы жағдайында жалғасын тапты деген көзқарасты қалыптастырады. Аталған мақалада православытық миссионерлердің мұсылмандық өлке халықтары арасындағы христиан сеніміне енгізу әдістері сипатталған. Ұйымдастырылған христиандық прозелитизм мұсылмандардың ислам идеясын кеңінен насихаттауына жол ашып, орыс шаруа-қоныстанушыларының мұсылман сеніміне өтуіне жағдай жасады. Авторлар өлке тұрғындарының мұсылмандар мен христиан дініндегілердің басқа діни-наным сенімге өтуінің себептері мен алғышарттарын анықтап, талдаған. Олар: шаруа-қоныстанушыларының ауыр тұрмыстық өмірі, кейбір пайдақүнем адамдардың жымсысқы әрекеттері, отбасылық-тұрмыстық жағдайы, адамдардың жеке басының мүдделері және тағы басқалары. Жарлық шыққаннан кейін орыс тұрғындарының ислам дінін қабылдауы христиан миссионерлерін православытық шіркеудің және тұтастай алғанда орыс билігінің беделінің түсуіне әкеп соқтыруы деп қабылданып, олардың белсенді әрекет жасауына әкеп соқтырды.

Кілт сөздер: дін, ислам, христиандық, мемлекеттік-конфессиялық саясат, мұсылман тұрғындар, Ресей империясы.

G.A. Alpyspaeva, G. Zhuman, L.T. Jumaliyeva, Sh.N. Sayahimova

Decree of April 17, 1905 «On strengthening the principles of religious tolerance» and Christian proselytism in Kazakhstan at the beginning of the twentieth century

The article is devoted to the study of the little-studied aspect of the state-confessional policy of the Russian Empire in relation to the Muslim population of Kazakhstan at the beginning of the twentieth century — Christian proselytism. On the basis of archival documentary sources and materials of periodicals, the point of view is substantiated that with the publication of the imperial Decree of April 17, 1905 «On strengthening the principles of religious tolerance», the policy of Christianization of the Kazakhs continued under the condi-

tions of the intensification of the Muslim movement. The article describes the methods of Christianization used by Orthodox missionaries among the Muslims of the region. Organized Christian proselytism evoked a response from Muslims in the form of active propaganda of the Islam ideas among Russian peasant settlers, which led to the conversion of Christians to Mohammedanism. The authors analyzed and revealed a set of reasons and factors for the transition to other religions of both Christian and Muslim population of the region: the difficult financial situation of the migrant peasants, the mercantile interests of enterprising people, family and household circumstances, personal motives of a person, and others. After the issuance of the Decree, there were cases of converting to Islam by Russian population. Such cases were perceived as undermining of the authority of the Orthodox Church and the Russian government by Christian missionaries which contributed to their increased activity.

Keywords: religion, Islam, Christianity, state-confessional policy, Muslim population, the Russian Empire.

References

- 1 Arapov, D. Yu. (2001). Islam v Rossiiskoi imperii (zakonodatelnye akty, opisaniia, statistika) [Islam in the Russian Empire (Legislative acts, description, statistics)]. Moscow: Akademkniga [in Russian].
- 2 Arapov, D. Yu. (2004). Sistema gosudarstvennogo regulirovaniia islama v Rossiiskoi imperii (posledniaia tret XVIII – nachalo XX vv.) [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the 18th – early 20th centuries)]. Moscow: Izdatelstvo MGLU [in Russian].
- 3 Abashin, S.N., Arapov, D.Yu., & Bekmakhanova, N.E. (2008). Tsentralnaia Aziia v sostave Rossiiskoi imperii [Central Asia in composition the Russian empire]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie [in Russian].
- 4 Borozdin, S.S. (2012). Politika rossiiskikh vlastei v otnoshenii musulmanskogo naseleniia Turkestana i Bukhary (1867–1914) [The policy of the Russian authorities in relation to the Muslim population of Turkestan and Bukhara (1867–1914)]. Extended abstract of candidate's thesis. Ekaterinburg: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr UrFU [in Russian].
- 5 Safonov, A.A. (2006). Ukaz 17 apreliia 1905 g. «Ob ukreplenii nachal veroterpimosti» v kontekste formirovaniia instituta svobody sovesti v zakonodatel'stve Rossiiskoi imperii [Decree of April 17, 1905 "On strengthening the principles of religious tolerance" in the context of the formation of the institution of freedom of conscience in the legislation of the Russian Empire]. Aktualnye problemy yuridicheskoi nauki i praktiki Sbornik nauchnykh statei [Actual problems of legal science and practice. coll. of scientific articles]. Tambov: Izdatel'stvo «Integratsiia» [in Russian].
- 6 Sadvokasova, Z.T. (2008). Rusifikatorskaia politika tsarizma v oblasti obrazovaniia nerusskikh narodov [Russification policy of tsarism in the field of education of non-Russian peoples]. Otechestvennaia istoriia (Otan tarikhy) – Domestic history (Otan tarikhy), 1, 90–99 [in Russian].
- 7 Sadvokasova, Z.T. (2019). Uchastie musulmanskikh dukhovnykh sluzhitelei v natsionalno-osvoboditel'nom dvizhenii [Participation of Muslim clergy in the national liberation movement]. Mir Bolshogo Altaia – World of Greater Altai, 5, 4, 526–541 [in Russian].
- 8 Tasmagambetov, A.S. (2012). Istoriia konfessii Kazakhstana v kontse XVIII – nachale XX vv. (po materialam islama i pravoslaviia) [The history of the confessions of Kazakhstan at the end of the 18th-beginning of the 20th centuries (based on materials from Islam and Orthodoxy)]. Uralsk: Redaktsionno-izdatelskii tsentr ZKGU imeni M. Utemisova [in Russian].
- 9 Alpyspaeva, G. Zhuman G., Bagdatova S., & Sayahimova Sh. (2019). Discussions on the Christianization of the Kazakhs of Turkestan Region (the second half of the XIXth – early XXth centuries). Bylye Gody, Vol. 52, 2, 655–667.
- 10 Gimaliev, V.G. (2011). N.I. Il'minskii o roli rodnogo yazyka v khristianskom prosveshchenii nerusskikh narodov Povolzhia i Vostoka Rossii [N. I. Il'minsky of the Role of native Language in Christian Education of the Non-Russian People of the Volga Region and the East of Russia]. Vestnik ChGPU im. I.Ya. Yakovleva – I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin, 2, 3 (71), 52–56 [in Russian].
- 11 Lukashova, N.M. (1999). V.P. Nalivkin: eshche odna zamechatelnaia zhizn [V.P. Nalivkin: another wonderful life]. Vestnik Evrazii – Eurasia Bulletin, 1/2, 36–57 [in Russian].
- 12 Abashin, S.N. (2005). V. P. Nalivkin: «...budet to, chto neizbezhno dolzhno byt; i to, chto neizbezhno dolzhno byt, uzhe ne mozhet ne byt...»: Krizis orientalizma v Rossiiskoi imperii Aziatskaia Rossiia: liudi i struktury imperii — Asian country: people and empire structures. Omsk [in Russian].
- 13 Faizrakhmanov, L.M. (2008). N.P. Ostroumov — missioner i islamoved [Ostroumov - Missioner and Expert in Islam Religion]. Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Altai State University, 4–1 (60), 146–150 [in Russian].
- 14 Lysenko, Yu. A. (2010). Missionerstvo Russkoi pravoslavnoi tserkvi v Kazakhstane (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.): monografiia [Missionary of the Russian Orthodox Church in Kazakhstan (second half of the XIX – beginning of the twentieth century)] / Yu.A. Lysenko; AltGU, kaf. vostokovedeniia, Alt. tsentr vostokoved. issled. Barnaul: Izdatel'stvo AltGU [in Russian].
- 15 Volkov, I.V. (2010). Missionerskaia deiatelnost Pravoslavnoi tserkvi na natsionalnykh okrainakh Rossiiskoi imperii (na pri-mere Turkestana vtoroi poloviny XIX – nachala XX v.) [Missionary Activity of the Orthodox Church at the national Outskirts of the Russian Empire (Turkestan Example of the second Half of the XIX – early 20th Centuries)]. Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia Istoriia Rossii – RUDN Journal of Russian History, 1, 146–154 [in Russian].

- 16 Amanzhulov, A.S. (2011). Politika akkulturratsii i khristianizatsii v Yuzhnom Kazakhstane v kolonialnyi period [The policy of acculturation and Christianization in South Kazakhstan in the colonial period]. Vestnik KazNU. Seriya istoricheskaya – Bulletin of KazNU. Series: History, 1(60), 60–63 [in Russian].
- 17 Gorbunova, S.V. (2003). Kreshchenye kazakhi Rossiiskoi imperii [Baptizee Kazakhs of the Russian empire]. Tsentralnaia Aziia i Sibir – Central Asia and Siberia. Barnaul: Azbuka [in Russian].
- 18 Konev, Yu. A., & Poplavskii, R.O. (2018). Dar v politike i praktike khristianizatsii sibirskikh «inovertsev» (po materialam Zapadnoi Sibiri kontsa 16–18 vv.) [The Gift in the Policy and practice of Siberian non-orthodox People christianisation (Based on materials for Western Siberia in the late 16th-18th century)]. Vestnik arkhologii, antropologii i etnografii – Bulletin of archeology, anthropology and ethnography, 4 (43), 165–174 [in Russian].
- 19 Lysenko, Yu.A. (2019). Pozitsiia chinovnikov Orenburgskogo vedomstva po voprosu pravovogo regulirovaniia dukhovnoi zhizni kazakhov Uralskoi i Turgaiskoi oblasti (40–80-e gg. XIX v.) [The position of the officials of the Orenburg department on the legal regulation of the spiritual life of the Kazakhs of the Ural and Turgai regions (40-80s of the XIX century)]. Narody i religii Evrazii – Peoples and religions of Eurasia, 3(20), 128–138 [in Russian].
- 20 Arapov, D. Yu. (2011). Gosudarstvennoe regulirovanie islama [State regulation of Islam]. PaxIslamica. Mir islama – PaxIslamica, Islam World, 2(7), 68–86 [in Russian].
- 21 Turkestanskii eparkhialnye vedomosti [Turkestan Diocesan Gazette] (1909), 2, January 1 [in Russian].
- 22 GAOO [State archive of the Orenburg region]. – F.175. – Op.1. – D. 3. – L. 1–24 [in Russian].
- 23 GAOO [State archive of the Orenburg region]. – F. 175. – Op. 2. – D. 13. – L.1–6 [in Russian].
- 24 Turkestanskii eparkhialnye vedomosti [Turkestan Diocesan Gazette] (1913), 16, August, 15 [in Russian]
- 25 Dukhovskoi, S.M. (1899). Islam v Turkestane. Vsepoddanneishii doklad Turkestanskogo general-gubernatora generala ot Infanterii Dukhovskogo [Islam in Turkestan. All-Submissive Report of the Turkestan Governor-General General of Infantry Dukhovskoy]. Tashkent [in Russian].
- 26 Turkestanskii eparkhialnye vedomosti [Turkestan Diocesan Gazette] (1917), 13, July 1 [in Russian].
- 27 Turkestanskii eparkhialnye vedomosti [Turkestan Diocesan Gazette] (1913), 10, May 15 [in Russian].
- 28 Turkestanskii eparkhialnye vedomosti [Turkestan Diocesan Gazette] (1910), 2, January 15 [in Russian].
- 29 Turkestanskii eparkhialnye vedomosti [Turkestan Diocesan Gazette] (1907), 19, October 1 [in Russian].
- 30 Kurnykin, O.Yu. (2018). P.A. Stolypin i «musulmanskii vopros» v Rossiiskoi imperii [Stolypin P.A. and the "Muslim question" in the Russian Empire]. Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoricheskie nauki i arkhologiya – Bulletin of AltSU. Historical sciences and archeology, 5, 103, 50–54 [in Russian].
- 31 Turkestanskii eparkhialnye vedomosti [Turkestan Diocesan Gazette] (1909), 24, December, 15 [in Russian].
- 32 Turkestanskii eparkhialnye vedomosti [Turkestan Diocesan Gazette] (1913), 6, March, 15 [in Russian].
- 33 Turkestanskii eparkhialnye vedomosti [Turkestan Diocesan Gazette] (1913), 17, September, 1 [in Russian].
- 34 Turkestanskii eparkhialnye vedomosti [Turkestan Diocesan Gazette] (1908), 7, April, 1 [in Russian].
- 35 Turkestanskii eparkhialnye vedomosti [Turkestan Diocesan Gazette] (1913), 15, August, 1 [in Russian].
- 36 TsGA RK [Central State archive of the Republik of Kazakhstan]. – F.44. – Op.1. – D. 3146. – L. 1–29 [in Russian].
- 37 TsGA RK [Central State archive of the Republik of Kazakhstan]. – F.15. – Op.1. – D. 403. – L. 180–226 [in Russian].
- 38 Turkestanskii eparkhialnye vedomosti [Turkestan Diocesan Gazette] (1909), 6, March, 15 [in Russian].
- 39 Turkestanskii eparkhialnye vedomosti [Turkestan Diocesan Gazette] (1915), 7, April, 1 [in Russian].
- 40 Turkestanskii eparkhialnye vedomosti [Turkestan Diocesan Gazette] (1909), 2, January, 15 [in Russian].